

О ПАОЛЕТТИ М. — СТАЛИНУ И. В.

ПАОЛЕТТИ Марио. Проживал в Италии, член Итальянской коммунистической партии, боролся с фашистами, провел в тюрьму четыре года. В июне 1933 — прибыл в СССР, проживал в Москве, работал на заводе "Шарикоподшипник". 14 февраля 1938 — арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

В июне 1938 — к И. В. Сталина обратилась за помощью его жена, Маргарита Клеричи.

<Июнь 1938>

«Т<оварищ> Сталин!

Так как все мои обращения во всевозможные учреждения не привели ни к каким результатам, я решила апеллировать к Вам со всей уверенностью, какую только может питать к Вам каждый рабочий мира.

14 февраля 1938 г<ода> был арестован в нашей квартире мой муж Паолетти Марио. Мандат на арест был за № 221. С тех пор я каждый день, каждый час ожидала напрасно его возвращения и так же безуспешно обращалась туда и сюда, чтоб выяснить — мотивы ареста.

Товарищ Сталин! В этот момент речь идет не только о жене, которая обращается к Вам по поводу своего мужа, но речь идет в первую очередь о старом члене партии, который просит Вас принять во внимание судьбу другого старого члена партии.

Я была коммунисткой еще задолго до замужества и таковой я осталась и после немногих лет совместной жизни с моим мужем. И хотя меня с ним связывают многие годы упорной борьбы и тяжелых страданий, но все же, если бы в жизни Паолетти было что-нибудь такое, что могло бы вызвать даже самое минимальное подозрение в его виновности по отношению к Советскому Союзу или что-либо такое, что противоречит принципам коммунизма, — я ни за что на свете не занималась бы сейчас его судьбой. Наоборот, я была бы очень довольна, что удалось, наконец, разоблачить замаскировавшегося врага.

Но как можно допустить возможность саботажа, диверсий, шпионажа, как можно обвинять в контрреволюционной деятельности человека, который в своей стране отдал лучшие годы своей жизни борьбе против фашизма и который познал поэтому нищету, преследования, избиения до крови и многие годы каторги?

Я не буду рассказывать Вам о его деятельности, как активного коммуниста, с 1924 до 1933 года — год, в котором мы приехали в Советский Союз, оба замученные длинными годами тюремного заключения (Паолетти провел в тюрьме 4 года, а я 6). Это было бы слишком длинно. Скажу только, что такие, как мы, которые содействовали формированию первого коммунистического ядра в такой стране, как фашистская Италия, которая всеми своими силами боролась за дело рабочего класса и делали это в течение многих лет, кто видел, как вокруг него, под ударами реакции падали друзья, товарищи и братья, и кто даже и сегодня должен думать о том, чтоб отсюда помогать своим оставшимся там родственникам, так как иначе они погибнут в нищете, — такие нет, не могут сделаться классовыми врагами, потому что борьба их закалила, как закалялась сталь. В них аккумуляровалось слишком много ненависти против своих палачей и против палачей их класса.

В Сов<етский> Союз мы прибыли: Паолетти в июне 1933 с помощью партии, а я в августе того же года с помощью МОПРа. Он был направлен в качестве студента в Интернациональную Ленинскую школу и сразу же проявил себя одним из лучших — по способностям и дисциплинированности. Но через несколько месяцев он заболел малярией

и ревматическим спендилитом — болезни, которыми он страдает и сейчас. Врачи заявили ему, что лучше оставить школу и перейти на производство.

В это время у нас родился ребенок и вместе с ним мы с апреля 1935 начали жить на заводе "Шарикоподшипник" им. Кагановича. Для нас начался период тяжелой жизни, потому что у нас ничего не было, но эти трудности мы скоро преодолели.

Несмотря на то, что работа, которой занялся Паолетти, была для него новой, он очень скоро овладел ею, сделался специалистом и через несколько месяцев стал бригадиром, затем мастером-стахановцем и, наконец, руководителем группы. Он никогда не считался со временем, как правило, он работал вдвое более нормального: одну смену он работал, а другую отдавал изучению и усовершенствованию производства, чтоб снизить брак и удешевить издержки производства.

Паолетти проявлял большой интерес к рационализации и был членом общества рационализации и изобретателей на заводе. За свою работу в этой области он много раз премировался. Был председателем ячейки МОПР в своем цехе и еще — не знаю, чем.

Вне предприятия он чувствовал себя, как рыба без воды. Никогда никуда не ходил, единственным развлечением был для него ребенок.

У него не было друзей: иногда к нам приходил кто-нибудь; он никогда никуда не ходил, будучи по своему характеру мало общительным; он любил работать, читать, учиться, был мало разговорчивым.

Как можно сомневаться в человеке, который ведет такой образ жизни? Все же, чтоб арестовать его, надо чтобы что-нибудь было, но что? А если была только клевета? В настоящий момент, когда все силы врагов пролетариата объединяются, чтоб нанести удар стране социализма; сейчас врагов много, и деятельность их разнообразна; необходимо самое пристальное наблюдение за ними, но необходимо обрушиваться только на виновных. И если мой муж является действительно таковым, я сделаю все, чтоб забыть о том, что я жила с подобным ядовитым пресмыкающимся, но если он является таким, каким представляю себе его я, то тогда я хочу, что он мне был скоро возвращен.

Не думайте, что арест моего мужа заставляет меня чувствовать себя покинутой, иностранкой, здесь на советской земле, мысль о которой нас стимулировала, в той борьбе, которую мы вели в нашей стране, и согревала сердце на холодной фашистской каторге. В те годы мне, истощенной от тяжелой жизни и лишений, охваченной иногда сомнениями, достаточно было сказать самой себе, что в советской России авангард мирового пролетариата находится на чеку, чтоб вера вернулась. И сегодня я вновь себе повторяю, что, несмотря на тяжелый час, который я переживаю, последнее слово еще не сказано, и я ожидаю его от вас, товарищ Сталин! Да, я жду его от вас, потому что не может быть, чтоб Вы позволили осудить рабочего революционера, если он не виновен.

Маргарита Клеричи (Анита Пустерла) <...>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-26462. С. 29-36. Автограф.